

У НАС НА ОТДЫХЕ

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

Трудно найти в нашей многонациональной стране человека, который не знал бы популярной советской певицы народной артистки СССР, лауреата Ленинской премии Людмилы Зыкиной. С большим успехом она выступает во всех уголках нашей Родины, во многих странах мира — в Европе, Азии, Америке, Австралии.

Почти за тридцать лет работы в профессиональном искусстве у Людмилы Георгиевны накопилась масса впечатлений.

И вот она на отдыхе, в санатории. «В антрактах» между процедурами мы беседуем с ней о ее детстве и первых, порой мучительных шагах к вершинам вокального мастерства; это повествование о работе над песней, о ее месте в советской культуре, о проблемах современного исполнительства, о памятных встречах в нашей стране и за рубежом.

Путь профессиональной актрисы был выбран не сразу.

— Мечтала стать летчицей, — рассказывает Людмила Георгиевна, — хотела поступить в аэроклуб. Как-то в школе еще до войны получила билет на новогоднюю елку в Центральный парк культуры и отдыха в Москве. Пришла, увидела осоавиахимовскую парашютную вышку — и сразу все позабыла: и аттракционы, и елку, и самого деда-мороза. Маленьких туда не пускали, я же встала на носочки, и меня пропустили. Уже прицепила парашют, но в самый последний момент чуть не струсил: а если разобьюсь? Только раздумывать было некогда: зажмурилась и — открыла глаза уже на земле. Прыгала я с вышки и с аэростата раз десять, последний — уже в войну...

Людмила была коренастой девочкой, носила значок ГТО первой ступени — еще на попке. Играла в волейбол, в футбол и даже в хоккей. Летом с велосипеда не слезала. Ни в чем не хотела уступать мальчишкам, обожала копаться в моторах. После войны на трофейном мотоцикле носилась по Черемушкам. И каждый самолет провожала взглядом. Но...

— Весь родительский корень был певуч и надо мной довлела наследственность, — признается актриса.

Бабушка Василиса Дмитриевна была известной на всю округу песенницей. Пела, как сама любила говорить, «нутром», песня буквально kloкотала в ней, хотя она почти никогда не повышала голоса. Песня была для нее отдушиной в трудной, порой нелюбимой жизни.

— Теперь спустя много-много лет могу сказать, что у бабушки был альт, у отца — бас, у тети Паши — меццо, а вот у мамы — голос совершенно своеобразного тембра — высокий, с колоратурным взлетом.

Пела Людмила, сколько себя помнит, всегда — в школе, в Доме пионеров. Еще с детства играла на гармошке и на струнных, любила гитару, ходила в клуб — пела, танцевала.

А скоро стало не до песен. Отец ушел на фронт, мать работала санитаркой. Людмила поступила на станко-строительный ученический токаря. Когда писала заявление, прибавила себе два года — иначе бы и не взяли. Чтобы дотянуться до станка, подставляла скамеечку. Но норму перевыполняла, и вскоре токарю был присвоен пятый производственный разряд.

— Объездив полсвета, прихожу я на свой родной завод имени Серго Орджоникидзе по самой искренней душевной потребности. И пропуском заводским горжусь, — говорит Л. Г. Зыкина.

Часто родители актрисы слушали из «черной тарелки» захаровские песни. Но они даже и не думали, что когда-нибудь их дочь из черемушкинской самостоятельности будет петь у самого Захарова, в хоре имени Пятницкого.

Первой разглядела в Л. Зыкиной солистку художественный руководитель хора русской песни Всесоюзного радио (теперь его официальное название — Хор русской песни Центрального телевидения и Всесоюзного радио) профессор консерватории А. В. Руднева. И по сей день для Л. Зыкиной — Анна Васильевна непререкаемый авторитет в вопросах народного пения. В хоре радио вокальная палитра Людмилы Георгиевны обогатилась нюансировкой. Она постигла тайны раскрытия песни, без которых впоследствии у нее не получились бы ни «Оренбургский платок», ни «Ивушка», ни «Течет Волга». И что очень важно, опытный педагог формировал в ней музыкальный вкус. Это делалось на примере лучших образцов русской народной песни. Тринадцать лет жизни были отданы хорovým университетам.

В 1960 году Л. Зыкина стала

победительницей Всероссийского конкурса артистов эстрады и была приглашена на работу в Москонцерт. Начинала с русских народных песен — знала их множество. Ее трогал чистый мир переживаний русской женщины, восхищалась ставшим на защиту простого люда Стенькой Разиным — героем многих песен. Не переставала преклоняться и перед хрупкой березкой на израненной волжской земле, где решалась судьба всего человечества («Растет в Волгограде березка»).

Проблемой номер один для нее был и остается репертуар. Главной темой его является тема глубокой духовной красоты, высокой и благородной любви наших людей к матери-Отчизне. Драматическое начало в пении дополняет лирическое и наоборот. Зыкина часами может говорить о песнях. Одна из самых ее любимых — «Оренбургский платок». Стихи принадлежат Виктору Бокову. Будучи в Оренбурге, поэт пошел с композитором Григорием Пономаренко на базар кулить для матери знаменитый оренбургский платок. Отправив посылку с этим подарком в Москву, Виктор Федорович вернулся в гостиницу и на одном дыхании написал теплые стихи. Поэт нашел в них удивительно нежный символ любви к матери. «Оренбургский платок» — это лирическая повесть о том, как полная бесконечного уважения к матери дочь посылает ей подарок. Но у песни есть более глубокий, «второй» план — это рассказ о вечном долге перед матерью. Этот гимн матери Л. Зыкина поет свыше десятка лет!

С восторгом рассказывает певица о песне «Течет Волга», которую очень любит Валентина Николаева-Терешкова — единственная в мире женщина-космонавт. Ей, выросшей на Волге, она особенно близка.

В разных странах вышли долгоиграющие пластинки под девизом «Течет Волга — исполняет мисс Волга из Москвы».

— Если попытаться кратко сформулировать мое впечатление об этой песне, — поясняет Л. Зыкина, — то я бы сказала: стирание грани между зрительным залом и сценой, между

исполнительницей и слушателем. Песня перелетает через рампу и входит в душу людей независимо от возраста, профессии, характера. А какое сильное впечатление производит на зрителей песня С. Туликова «Лишь ты смогла, моя Россия»!

Я не удержался, чтобы не спросить актрису о секрете воздействия ее песен на слушателей.

— Никакого секрета в моем пении не было и нет, — улыбувшись, ответила она. — Просто с самого детства я не принимала «открытый» звук, столь характерный для традиционной фольклорной манеры пения. Я предполагаю более мягкое звучание. В русском пении мне дороги именно «украшения», когда одна нота нанизывается на другую.

«Никогда ты не поешь, как написано!» — полшутя-полсерьезно говорил мне художественный руководитель хора русской песни Всесоюзного радио Николай Кутузов. А дело было в том, что в работе над песней я старалась находить свойственные только мне одной вокальные краски, добавочные нотки — форшлаги, мелизмы, — продолжает Людмила Георгиевна. — Скажем, поют песню, как плетут где-нибудь в глубинной России знаменитые русские кружева: вся артель плетет одинаковый узор, а у одной

из кружевниц лепесток выпуклый да изящней — вот и получается кружево рельефнее, а в этом красота-то какая! Здесь и чудо-птица, и чудо-цветы. Настоящая поэзия!

Кроме того, я вносила в уже готовую песню элементы импровизации, которая испокон веков была основой народного пения, придавая песне неизменную свежесть, наполняя ее жизнеутверждающими соками.

Мой излюбленный вокальный прием — контрастное сопоставление на одном дыхании громкого и тихого звучания с заметными переходами. Владение им помогает выделить мелодические «светотени», усилить соответствующие акценты. Для меня это не вокальный эффект, а средство выражения бесконечно разнообразных человеческих переживаний в их непрерывном движении...

Выдающаяся французская певица Эдит Piaф как-то сказала: «Думаете, у нас нет тысяч способных исполнителей? Но в песне нужна личность!»

Людмила Георгиевна Зыкина — именно такая личность. неповторимая индивидуальность, настоящее явление в нашем искусстве.

Р. МЯСОЕД,
внештатный корреспондент
«Советского Крыма».